

14. Зелинский С. А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание.
15. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. – С. 48.
16. Андреева Г. М. Психология социального познания. – С. 107.
17. Евгеньева Т. В. Технологии социальных манипуляций и методы противодействия им. – С. 104, 106-108.
18. Гудков Л. Н. Идиологема «врага».
19. Там же. – С. 11.
20. Там же. – С. 56.
21. Там же. – С. 43, 45.
22. Козырев Г. И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях. – С. 32.
23. Козырев Г. И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях. – С. 36
24. Дукельский В., Юренева Т. Кистории образа врага в новой России // Вестник Европы. – 2006. – №17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2006/17/du23.html>.
25. Там же.
26. Там же.
27. Багдасарян В. Е. Образ врага в исторических фильмах // Отечественная история. – 2003. – №6. – С. 31-46.
28. Там же. – С. 31.
29. Там же. – С. 39.
30. Там же. – С. 44.
31. Вайс Д. Сталинский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика. – 2007. – №3(23). – С. 34-60.
32. Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1(24). – С. 16-22.

ББК 60.54я73 III 67

Стяжкина Е.В.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ГЕНДЕРНАЯ ОПТИКА В МЕТОДОЛОГИЯХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Эта статья написана по материалам доклада, обнародованного автором на конференции Международной ассоциации Гуманитариев (Львов, октябрь 2010). В фокусе анализа – проблемы, связанные с развитием / институционализацией женской / гендерной истории на постсоветском пространстве: изменили ли гендерные исследования состояние постсоветской исторической науки, какие риски принесла в поле исторических исследований гендерная оптика, как постсоветское пространство формиру-

ет свое терминологическое поле женской/гендерной истории и как читает чужое. Часть из поставленных вопросов не имеет однозначных ответов, но требует серьезного обсуждения.

Об уместности и целесообразности терминов в названии статьи. Оптика – раздел физики, изучающий процессы излучения света, его распространения и взаимодействия с веществом. Оптика – это приборы и инструменты, действие которых основано на законах этой науки. Первая метафора «гендер как излучение света» звучит несколько пафосно и претенциозно, однако дает возможность акцентировать внимание на теоретических вопросах распространения гендерного исторического знания и взаимодействия его с «веществом» иных наук.

Вторая метафора – метафора приборов – биноклей, микроскопов, приборов ночного видения, мартышкиных очков – позволяет поставить проблемы практического свойства, в том числе и проблему «простых стекол», которыми часто снабжены псевдогендерные исследования.

Термин «постсоветский» еще несколько лет назад представлялся морально устаревшим, таким, что не несет в себе зерна обозначающего. Между тем, «постсоветскость» оказалась более жизнеспособной, чем это представлялось ранее.

Во-первых, общими тенденциями продолжает характеризоваться система производства знания и контроля над ним. Государство, а не научное сообщество играет главную роль в оценке результатов и эффективности научных направлений и полученных результатов [1].

Во-вторых, политики контроля направлены на производство иерархии тем и направлений, в «постсоветском» дискурсе гендерная история производится как подозрительная и/или подчиненная по отношению к иным «большим историям».

В-третьих, важной составляющей общей и продолжающейся постсоветскости есть система ВАКов, ВАКовских журналов, ВАКовских требований к оформлению научных работ. ВАКи работают пограничными столбами, определяющими рамки научного статуса и механизмы производства знания на постсоветском пространстве.

В-четвертых, система личных контактов, общих проблем, схожих тем и направлений поддерживает позитивную составляющую постсоветского пространства, сохраняя секретные и часто не объяснимые для мирового сообщества коды взаимного общения. По меткому выражению Н. Пушкиревой, все мы, историки (в отличие от, скажем, социологов или философов), стоим на плечах своих предшественников. И традиция «женской темы» в исторической науке насчитывает не меньше двухсот лет [2].

Четвертый момент, который характеризует нашу науку на постсоветском пространстве, – это методологии и/или поиски адекватных методологий.

Определиться с ними (с нею) окончательно и бесповоротно в мире торжествующего постмодерна не представляется возможным. Впрочем, в окончательности нет и необходимости. Просто вариативность методологий акцентирует, с одной стороны, проблему разночтений, с другой, проблему отсутствия (пустоты) методологии как таковой.

Все вышеизложенное позволяет сформулировать несколько задач данного исследовательского проекта: изменила ли гендерная оптика состояние исторической науки на постсоветском пространстве? по каким законам /канонам/ нормативам излучался и распространялся «свет» гендерного знания? какие риски и для кого несет с собой развитие гендерная оптика в историческом знании? является ли полидисциплинарность источником (возможностью) выхолащивания собственно исторических методов? как формирует постсоветское пространство собственное терминологическое поле женской/гендерной истории? как читает «чужое» поле? как возможны «наивные заимствования», плагиат, «цитирование нечитанного» и прочие этические беспокойства?

Основными источниками для достижения поставленной цели и связанных с ней задач в данной работе являются труды историков – исследователей женской темы, деятельность центров по изучению женской гендерной истории, труды ученых-гуманитариев – филологов, социологов, культурологов, работающих в пространстве женской/гендерной истории.

Отвечая на вопрос, изменила ли гендерная оптика состояние исторической науки на постсоветском пространстве, честно нужно признать, что скорее нет, чем да. Оставим в стороне общее состояние исторической науки, проблемы которой определяются как предмет отдельного исследования, и обратимся к собственно женской/гендерной истории.

Состоялись ли женская и гендерная история на постсоветском пространстве?

Женская история – как будто состоялась. У нее большая традиция, многие вопросы женской истории были поставлены и разрешены (частично или полностью) далекими предшественниками еще в XIX веке. Женская история есть и потому, что есть историки, работающие в этой проблематике, наращивающие чаще документальную, источниковую базу и реже – методы и теории «взаимоотношения с ней».

С другой стороны, в «большом масштабе» исторической науки, в социальных историях, историях государств ли, городов ли, общественных институций, «женская тема» – по-прежнему иллюстрация, частный случай, подтверждение (опровержение) той или иной тенденции. Но – пока – не самоценное направление. Вопрос о том, состоялась ли на постсоветском пространстве гендерная история, остается открытым.

Мой личный опыт работы в женской теме привел к ловушке самоочевидности. Мне представлялось, что гендерная оптика будет транслировать свет нового знания в тех же тенденциях, что и на Западе. То есть, на первом этапе будет решена задача «найти и добавить», на следующем, который А. Пето называет «контрибуционным», будет поставлена под сомнение традиционная историография, согласно которой история – это рассказ о мужчинах, носящих костюмы [3], и, наконец, на третьем институционализируется собственно гендерная история, где гендер, как фундаментальный элемент, будет осознан как создающий социальные отношения и системы власти.

Однако мои собственные представления о развитии гендерной истории на Западе оказались несколько мифологизированными. А оптимизм относительно развития женской истории на постсоветском пространстве преждевременным и необоснованным.

Изучение западной историографии дало возможность понять, что западные школы женской/гендерной истории работают в разных методологических позициях. И эссенциализм, равно как конструктивизм, продолжает быть возможной и работающей методологиями в изучении женской/гендерной темы.

Более того, дискуссия «женская история vs гендерная история» была (и, вероятно, остается) нелегкой прогулкой терминологическими и методологическими полями для наших западных коллег. Градус ее был столь высоким, что Джоан Хофф назвала «гендер парализующей категорией исторического анализа» [4]. Выступая в Минске в 2001 году, Карен Оффен, одна из основательниц МФИЖИ, подчеркнула, что эта дискуссия еще не завершена [5].

На постсоветском пространстве такая дискуссия среди историков представляется необходимой. Причем ее задачи не должны определять, кто мудрее, кто моднее, кто прекрасней и кто эффективней. Такая дискуссия, скорее всего, оставит участников при своем мнении, но позволит расширить теоретическое и методологическое поле изучения женского/мужского/гендерного в истории.

На постсоветском пространстве женская история развивается в разных методологических полях, разных школах и направлениях. Между тем, если бы не было успехов, растущего интереса, количественного и местами качественного роста историков, занимающихся этим направлением, не было бы и проблемы гендерной оптики.

И некоторые тенденции развития женской/гендерной истории являются общими для постсоветского пространства:

– Интерес к женской истории не является результатом влияния женского движения. Он возникает и поддерживается критикой интеллектуальных традиций марксизма, «выдохом», который делает историческая наука, освободившись от единой возможной методологии истории. Интерес к гендерной истории есть результатом ме-

тодологического кризиса, а не политического запроса/движения. Но сам факт развития исторической феминологии может становиться (в некоторых странах в большей степени, в некоторых – в значительно меньшей) актом политического действия.

– Можно констатировать изменение методологических позиций исследователей, занимающихся женской историей. Тенденция такова: приходя к теме (в тему) женской истории, авторы осваивают феминистскую эпистемологию как одну из возможных методологических позиций и «прикипают к ней душой», воспринимая феминизм не только как способ научного дискурса, но и как способ личностного действия. Проще говоря, женская история превращает своих авторов в феминисток или в «сочувствующих феминизму».

– Но можно констатировать наличие «охранительной тенденции» и определенный консерватизм: когда занятия женской историей, завершающиеся созданием статей, монографий, коллективных сборников, «не сдвигают» исследователей в сторону поиска новых эпистемологий и связанных с ними новых методов работы с источниками. Консерватизм, проявляемый историками, изучающими женщин, транслируется и следующим поколениям. Поэтому мы можем констатировать, что молодые исследовательницы часто сохраняют приверженность эссенциализму (особенно в тех странах, где есть государственный или национальный запрос на акцент сущностных различий между женщинами и мужчинами) [6].

– На постсоветском пространстве существует феномен неравномерного развития (термин Джейн Рендалл) женской и гендерной истории в разных государствах и даже в разных регионах одного и того же государства. Центры гендерных исследований, в работу которых входит и гендерная история, созданы в крупных промышленных городах, в крупных, ведущих высших учебных заведениях (в Иваново, Харькове, Киеве, Минске, Вильнюсе, Москве, Санкт-Петербурге, Твери, Саратове, Петрозаводске, Баку, Душанбе).

Наибольшее число таких центров в России, их деятельность широко известна. Не менее важными «поставщиками» исторического знания о своих регионах стали Центр гендерных исследований, Алма-Аты, Центр гендерного образования (Таджикистан), Азербайджанский Гендерный Информационный Центр (АГИЦ), Центр гендерных исследований Ассоциации женщин с университетским образованием (Ереван) и другие.

С другой стороны, существует и феномен неравномерной актуализации созданного знания: мы, в целом, лучше представляем себе наработки западных исследователей, чем собственных соотечественников, тем более – результаты, полученные исследователями сопредельных государств и постсоветского пространства.

– Гендерная история (и шире – исследования) на постсоветском пространстве часто (или почти всегда) является результатом индивидуальных усилий преподавателей вузов и ученых, а также вне или неакадемических инициатив и институций.

– При этом нельзя не признавать качественных прорывов, связанных с включением гендерной истории в программы академических институтов, имеет место даже создание кафедры гендерных исследований (1999 г.) в Невском институте языка и культуры (зав. каф. И. Юкина), отдела гендерных исследований в Институте этнологии и антропологии РАН (усилиями Н.Л. Пушкаревой, которая создала (2008 г.) и возглавила этот отдел.

Белорусская историк Ирина Чикалова обозначила несколько направлений этих качественных перемен [7]. В первую очередь, это исследователи: профессиональные историки и настоящие миссионеры женской истории. В России – Н.Л. Пушкарева, Л.П. Репина Т.Л. Лабутина, А. Сурьянович, С.Г. Айвазова, О.А. Хасбулатова, О.И. Шнырова, Т.Б. Рябова, И.А. Школьников, В.И. Успенская, И.И. Юкина, М.А. Буланакова, Н.В. Новикова, А.М. Ермаков. В Украине гендерной проблематике посвящены работы О. Кись, О. Маланчук-Рыбак, И.А. Жеребкиной, В.А. Суковатой, Л. Малес, Л. Буряк, покойной ныне Л.А. Смоляр, О. Лабур, М. Ворониной, Е. Кобченко, И. Игнатенко, О. Боряк, Л. Буряк. В Беларуси обозначенной проблемой занимаются И. Чикалова, Е. Сурта, О. Шутова, С. Толмачева, Е. Гапова, А. Усманова. В Казахстане – С. Шакирова, в Таджикистане – М. Зикирева, Г. Махамова, в Узбекистане – Д. Алимова, в Азербайджане – Ф. Мамедова, У. Гаджиева, Р. Зульфугарзаде.

Второй немаловажный момент – статусный, связанный с механизмом признания гендерной темы в исторической науке. Это количественный показатель роста защищенных докторских истории и кандидатских диссертаций по женской и/или гендерной истории [8]. Показательно, что среди работ по гендерной истории есть исследования, посвященные «мужской истории» – истории казачества, монашества, военных [9].

Третий фактор успеха – это периодические издания: в Москве – «Адам и Ева», в Минске – «Женщины в истории: возможность быть увиденными», в Твери – «Женщины. История. Общество», в Санкт-Петербурге – «Гендерная история: Pro et Contra», в Харькове – «Гендерные исследования» (рубрики «Гендерная история», «История маскулинностей»).

Российские и украинские историки (несомненными усилиями Натальи Пушкаревой и О. Кись) создали российскую и украинскую ассоциации исследователей женской, которые стали частью МФИЖИ.

Мы можем констатировать и рост числа конференций (а главное, рост числа участников по женской и гендерной истории с публика-

цией сборников). Российская исследовательница Ольга Воронина сравнивала свои усилия по изучению гендерной проблематики с высадкой английского газона. На постсоветском пространстве «английский газон» женской истории посажен и дал первые ростки. И к ней, к женской истории, уже применима гендерная оптика.

Какие риски и для кого несет с собой развитие гендерной оптики в историческом знании. Является ли полидисциплинарность источником (возможностью) выхода за пределы собственно исторических методов?

Украинская ученоя Ирина Жеребкина дала исчерпывающий ответ на вопрос «Кто боится феминизма в бывшем СССР?» [10]. Наша задача скромнее и очерчена рамками исторической науки.

Во-первых, гендерная оптика – объект манипуляций в пространстве создания национальных историй. Ее внедрение похоже на игры с биноклем: можно приблизить, можно удалить, свести до точки на горизонте. В разные исторические моменты, в разных государствах она может восприниматься как опасная (ненужная). В другие моменты и в других регионах – как полезная и необходимая оптика, как очки не для постоянного ношения: в малых дозах, в регламентированных сюжетах, для вытесывания фундамента нового национального мифа.

Во-вторых, гендерная оптика несет угрозу для «фундаментальных устоев» исторической науки. Артикуляция, вербализация и письменная фиксация женского может позволить историкам постсоветского пространства поставить вопросы, созвучные тем, что были сформулированы феминистками Запада («Были ли у женщин Ренессанс?»).

Вот их приблизительный, не полный, но страшный перечень:

- Была ли у украинских женщин национально-освободительная революция в 1648-1654 гг.?
- Что принес женщинам уникальный феномен казачества?
- Была ли у женщин революция 1917 г.?
- Вписывается ли женский опыт в большой нарратив Великой Отечественной войны. Или жестче: была ли у женщин Великая Отечественная война? Или мягче: у всех ли женщин была Великая Отечественная война?

В-третьих, гендерная оптика **всегда** обнаруживает необходимость междисциплинарных подходов. Женская/гендерная история использует методы широкого спектра гуманитарных (и иногда – естественных) наук [11].

И здесь возникает эпистемологическая боязнь самих авторов, работающих в женской теме (или, как обратный вариант, эпистемологический дефицит. Проблема дефицита проще: есть целый ряд «счастливых» исследователей, которые не знают, в какой методологии работают, знать не собираются, и, что важно, их это не беспокоит).

Носителям эпистемологической боязни – хуже. Пытаясь определиться в методологии исторического исследования, они, как правило, обращаются к теориям, созданным западными школами философов, социологов, лингвистов, культурологов, антропологов. И осознают свою «невозможность», «неготовность», «неумение» и так далее. Запад, как значимый Другой, нависает над историком всем своим теоретическим багажом. И эта тяжесть часто не позволяет историкам увидеть те методологии и методы, которые уже наработаны на постсоветском пространстве. В целом же, как точно заметил российский социолог и философ Игорь Кон, «методологический гиперкритицизм делает исследователя похожим на сороконожку, которую спросили, с какой ноги она ходит. Бедняжка задумалась и после этого вообще не смогла сдвинуться с места» [12].

Достаточно ли индульгенции от Игоря Кона, чтобы отнестись к эпистемологическим теориям с должной мерой практицизма? Или нам все-таки нужны специальные встречи, семинары, конференции, на которых историки женской темы могли бы обсудить, каким образом они вырабатывали методологические рамки своих исследований?

В-четвертых, историки – исследователи женской темы сталкиваются с проблемой клановости и «моды на гендер». Эти проблемы, вероятно, связаны между собой. Клановость возникает из-за статусных войн. А поскольку гендерная история – поле широкое, только засаженное «английским газоном», то занять в нем ту или иную иерархическую позицию (если, конечно, человек за этим приходит в науку) довольно легко. Клановость негативно отражается на общем фоне исследований женской истории, она создает искусственные препятствия, разделяет и так не слишком большое сообщество на «своих» и «чужих» и т.д. Можем ли сегодня позволить резкие движения и обособления? Или нам необходимо пытаться находить общий язык с теми, кто «хочет быть владычицами морскими» и «авторитетами непререкаемыми»?

«Мода на гендер» вызывает не меньшее опасение (во всяком случае, у автора). Многим молодым исследователям кажется, что в этой новой области еще нет устоявшихся авторитетов и традиций, а главное, экспертного сообщества, которое способно оценить результаты работы. «Женская история» часто становится «темой под защиту» [13]. В результате получается ситуация, когда научная проблема вроде бы разрешена, браться за нее – неэтично. А на самом деле хорошая тема может быть просто испорчена недобросовестным соискателем. К сожалению, модой портится и репутация собственно женской/гендерной истории.

В-пятых, постановка исследовательской задачи и расширение методов исследования закономерно *изменяют круг источников и характер вопросов, поставленных к ним*. И то, и другое воспринимается «огосударственной» исторической наукой как «сомнительные»

/«феминистские»/ «недостаточные» упражнения. Наиболее резкий упрек – это «упрек в аргументационной недостаточности», отсутствии «объективированных» данных, крене в этнографию, в умозрительности выводов.

Гендерный микроскоп, позволяющий увидеть тыл на войне, быт в революции, человека вне «больших нарративов», воспринимается не только как угроза универсальным историям, *но и как поспрашивание правил и норм работы с источниками*. Гендерная оптика наносит удар по иерархии источников: часто источники личного происхождения играют в гендерных исследованиях более важную роль, чем источники официального происхождения.

Разрушение иерархии источников осуществляется и в поле исторической антропологии, и в микроистории, устной истории, истории повседневности, но именно гендерные исследования ощущаются как наиболее опасные, потому что открывают на постсоветском пространстве факт неединства истории, право на существование (и собственно существование) разных историй.

«Хранители» исторической науки на постсоветском пространстве воздерживаются от открытых негативных комментариев, связанных с развитием гендерной истории. Но жестуальность, телесность, визуальные знаки, проявляющиеся при прохождении процедуры утверждения темы, связанной с женской историей, видеогаммы защиты, разговоры в кулуарах, практика «делать лица» – вся эта преимущественно «визуальная реальность» (термин Альмиры Усмановой [14]) предстает как социальный и культурный конструкт, и в то же время – как исторический источник, который может быть зафиксирован и интерпретирован как любой другой источник. В данном случае «визуальность», которая «перестала восприниматься как вторичное или подчиненное измерение культурной практики» [15], может стать одним из «документов эпохи» развития гендерной оптики в исторической науке. Женщины-историки, мужчины-историки женской темы вполне могут стать частью большого (авто) биографического проекта «Коллективная биография исследователей женской истории в конце XX – первом десятилетии XIX века» по аналогии (но с другими источниками, в том числе и визуальными) с проектом, который был осуществлен Еленой Здравомысловой относительно коллективной биографии российских феминисток [16].

Как постсоветское пространство формирует собственное терминологическое поле женской/гендерной истории? Как читает «чужое» поле? Как возможны «наивные заимствования», плагиат, «цитирование нечитанного» и прочие этические беспокойства?

Терминологический импорт представляется достаточным, однако – не исчерпывающим. Здесь следует, вероятно, обратить внимание на две позиции.

Первая проявлена в статьях целого ряда исследователей [17] – философов, социологов, лингвистов, филологов, антропологов – и обозначается некоторым сомнением, а часто и недоверием относительно терминологического импорта и корректности применения целого ряда терминов, в том числе и самого термина «гендер» [18].

Вторая определена И. Коном: «Поскольку новые черты взаимоотношений мужчин и женщин возникли, достигли определенной зрелости и были осознаны на Западе значительно раньше, чем в России, изучать их надо прежде всего на западном материале и только после этого смотреть, действуют ли те же самые закономерности в России. Если да, в чем их специфика, а если нет – почему и какова альтернатива» [19].

Но в современной исторической науке на постсоветском пространстве уже проявлена специфика, здесь давно наличествуют собственные проблемные поля с уже обозначенной и определенным образом зафиксированной терминологией. Однако эта терминология требует обсуждения, уточнения границ использования, сущностных составляющих и всего прочего, что связано со становлением понятийного аппарата.

Несколько примеров:

– «*Женский вопрос*» – широко изучаемый феномен женской истории. Он анализируется в различных ракурсах, сюжетах и хронологических границах. Однако до сих пор исследовательницы а) не дают точного определения смыслового наполнения термина, его истории и практик, б) не определились, в кавычках или без употреблять его в названиях и текстах работ [20];.

– «просит» понятийного осмысления и определения границ использования слово/термин/самоназвание «баба». Если в работах по истории женщин в традиционном обществе [21] понятия «девочка», «девушка», «баба» определяются в категориях возраста и социальной роли, то в исследованиях женской темы событий первой половины XX века самоназвание «баба» уступает место государственному определению «женщины». Насколько это правомерно и исторически оправдано [22]? Когда самоназвание «баба» уступило место самоназванию «женщина» и уступило ли повсеместно? Насколько исчерпывающей и академической является замена «бабы» на «женщину»? Не является ли это попыткой осовременивания истории?;

плодотворной может оказаться дискуссия, связанная с определением сущностного смысла термина/слова/самоназвания «казачка» [23]: достаточно ли субэтнических, географических, брачных характеристик для понимания этого термина? Или феномен «женщины-казачки» включает в себя нечто большее, чем перечисленные признаки? Достаточно ли наличия казачества, чтобы возник феномен казачки?

- для украинских историков представляется необходимой деконструкция мифа/символа «Берегиня», мифа/символа «Роксолана»;
- представляется важным и определение смыслового наполнения понятий «женщина-мусульманка», «исламская женщина». Насколько и в каких темах корректными есть эти понятия?;
- интересной может быть терминологическая дискуссия относительно понятий «домашний матриархат» и «гастрономическая мать» (оба предложены Славкой Вальчевской для описания социалистических повседневных практик);
- требуют осмысления (обсуждения) термины «советский патриархат»/ «постсоветский патриархат».

Как возможны «наивные заимствования», плагиат, «цитирование нечитанного» и прочие этические беспокойства?

Гендерные исследования – это неиссякаемый источник для плагиаторов. И гендерная/женская история в этом смысле не исключение. Оставим в стороне институциональные причины плагиата, характерные для всего постсоветского пространства, и сосредоточимся на тех, которые характерны для гендерной истории (многие из них, впрочем, тесно связаны с институционализацией плагиата как системы существования современной постсоветской науки).

Одной из причин плагиата являются...*несомненные успехи исследователей женской истории*, усилиями которых созданы работы, позволяющие рождение/хождение «бродячих сюжетов», читаемых иными историками как некие «общие места» или «общеизвестные истины».

«Розовые очки» молодых исследователей не позволяют им увидеть авторов, которые ввели в научный оборот тот или иной материал. «Бродячие сюжеты»/«общие места» – это истории о «Декларации прав Женщины и гражданки», судьбе Олимпии де Гуж, съезде в Сенека-Фолз; не имеющими авторов «считаются» и положения относительно периодизации женского движения на Западе, в Украине и т.п. [24].

Широкие возможности для плагиата представляются в связи с более широкими и частыми практиками научного взаимодействия с европейскими, американскими, азиатскими историками. Технология эта «экспортно-импортного» свойства. Так, на постсоветское пространство «завозятся», в основном, идеи и теории, озвученные на конференциях нашими коллегами (и/или – созданные и зафиксированные ими в работах, которые еще не переводились).

Экспортный вариант выглядит как вывоз данных, обработанных кем-то архивных материалов, статистики, мемуарной литературы, устных источников. Колоссальная работа, проведенная историками на постсоветском пространстве, бессовестно присваивается. И у нас есть очень мало способов «вернуть» этим работам автора,

который действительно работал с документами. «Самый досадный для жертвы вид плагиата – это плагиат в живом слове» [25].

Еще об одном, «едва ли не самом распространенном способе заимствования», написал в своей статье «Плагиат» О. Ронен: «...метод «заимствования» с сохранением видимости приличий заключается в том, что автор мимоходом упоминает источник своих идей, а потом пишет: к этому можно прибавить следующее. И излагает немного иначе нечто, содержащееся в источнике, но уже без ссылок, то есть от своего имени. Этот прием особенно легко применим, когда источник заимствования на одном языке, а новый текст – на другом» [26]. Справедливости ради надо отметить, что на постсоветском пространстве этот метод легко применяется и тогда, когда оба текста созданы на одном языке.

«Цитирование нечитаного» (вторичное, а то и третичное воспроизводство информации, с критикой и полной потерей первоначального смысла) – особая форма плагиата.

Это не плагиат в чистом виде. С одной стороны – курьез. С другой – форма маргинализации знания, полученного не на Западе. Случай «вторичного-третичного» цитирования с последующей критикой не обработанного лично первоисточника в работе М. Тлостановой «Деколонизальные гендерные эпистемологии» [27] описан белорусской исследовательницей Еленой Гаповой в рассылке Харьковского центра гендерных исследований [27].

Философ М. Тлостанова, цитируя статью Елены Гаповой «Феминистский проект в антропологии» (2001) не из «первоисточника», а из другой работы – из статьи М. Текуевой «Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность» (2006), приписала ей смыслы, которых Е. Гапова не транслировала, а напротив – деконструировала.

Подытоживая эту неприятную для всего гендерного сообщества историю, Е. Гапова описала сценарий решения подобной проблемы на Западе: «Во многих академиях после этого случая было бы начато профессиональное разбирательство с самыми тяжелыми для автора последствиями. НЕ потому, что там все кровожадные, а потому, что таким способом научная корпорация отстаивает свое право считаться производителями истины. За это ученым платят деньги, и они имеют довольно высокий социальный статус.

Если же оказывается, что ученые сознательно (не ошибочно, а сознательно) подтасовывают факты и вводят общество в заблуждение, то они теряют роль производителей истины, и платить им становится не за что. Поэтому академия заинтересована в отслеживании «качества продукта». Не то чтобы нам следует впадать в низкопоклонство перед Западом (т.к. мы боремся с колонизацией, евроцентризмом и научным расизмом), но подумать про истину и ее заменители может быть полезно» [29].

И еще об одном, в данном случае невольном и объяснимом плагиате, который, в сущности, не является плагиатом. Научная закрытость советского пространства и физическое уничтожение научной элиты стали объективными причинами того, что многие идеи, положения, выводы, сделанные нашими учеными, остались неизвестными на Западе. Это не борьба за приоритеты, это то, что исследовательница Н. Брагинская назвала феноменом «мировой безвестности» [30].

Между тем, женская/гендерная история на постсоветском пространстве, без всякого сомнения, представлена авторами, которые в своих выводах не только шли параллельно с западными школами, но и во многом опередили их. Так, О. Кись приводит в своей книге выводы относительно мужчины-как-нормы и женщины-как-другого в культуре, к которым пришла, занимаясь историей первобытного общества, украинская исследовательница Катерина Грушевская. «Ее тезисы на два десятилетия опередили ключевую идею фундаментальной работы Симоны де Бовуар «Второй пол» (1949 г.)», – отмечает Оксана Кись [31].

Для современных историков, работающих в женской/гендерной проблематике, вопрос феномена «мировой безвестности» и его преодоления, на мой взгляд, это и вопрос «обретения голоса» в международном историческом сообществе. Если мы достаточно сильны, сильны наши результаты, то мы, вероятно, сможем обеспечить собственным предшественникам международное признание.

Подытоживая, мы можем констатировать, что женская/гендерная история – есть. Проблема эпистемологии, «трудных» отношений с национальными и государственными историческими проектами, внутренними методологическими дискуссиями, даже проблема плагиата – это свидетельство нашей состоятельности.

Важным фактором дальнейшей институционализации женской/гендерной истории на постсоветском пространстве может стать обозначение и проговаривание рамочных проблем развития нашего направления, трудностей теоретического и практического порядка, с которыми мы сталкиваемся, критериев результативности производства нашего знания, проблем авторской саморефлексии. Наша область исторического знания такова, что в ней не стыдно спрашивать, не грех ошибаться, но стыд и беда – молчать и замалчивать, не замечать и не проговаривать.

РЕЗЮМЕ

Цю статтю створено за матеріалами доповіді, оприлюдненої авторкою на міжнародній конференції, яку організувала Міжнародна Асоціація Гуманітаріїв (Львів, жовтень 2010). У фокусі аналізу – проблеми, пов'язані із розвитком та інституціоналізацією жіночої/гендерної історії на пострадянському просторі. Головні питання, що

аналізуються в роботі: чи змінили гендерні дослідження стан розвитку пострадянської історичної науки; які ризики привнесла в поле історичних досліджень гендерна оптика; як пострадянський простір формує власне термінологічне поле жіночої/ гендерної історії і як читає (привласнює) чуже; чому і як у гендерних студіях можливий плагіат. Частина з поставлених у роботі питань не має однозначних відповідей, однак потребує серйозного академічного обговорення.

Ключові слова: жіноча історія, гендерна історія, експорт знання, плагіат.

SUMMARY

This article is created on the base of the report which was represented on international conference of International Association of Humanities (Lviv. October, 2010). In the focus of analyze are problems of the development and strengthening of the women's/gender history in the postsoviet space. The main questions of research are: have the gender researches changed the development of historical science? What risks were brought by the gender optics in the field of history researches? In what ways does the postsoviet history form its own terminology in the field of women's/ gender history and in what ways do we read West's approaches in gender history; why and how is possible the plagiarism in gender studies. The part of these questions has not precise answers, however all of them need in the serious academic discussion.

Key words: women's history, gender history, export of knowledge, plagiarism.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об этом подробно рассуждает Е. Гапова. Гапова Е. О гендере, нации, классе в посткоммунизме / Елена Гапова // Гендерные исследования. – 2004. – № 13. – С. 101-118; Гапова Е. «Итоги съезда»: еще раз о классовом вопросе постсоветского феминизма / Елена Гапова // Журнал исследований социальной политики. – 2009. – № 7(4) // Режим доступа: <http://pigbig.livejournal.com/425877.html>. – Дата 12.09.2010.
2. Об этой традиции: Пушкарева Н.Л. «Живыми красками любви к женскому полу и Отчеству» («Женская тема» в изучении отечественного прошлого 1800-1980 гг.) / Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 10-122; Кісь О. Жіночі студії в Україні: історія та сучасність / Кісь Оксана. Жінка в традиційній українській культурі. – Львів, 2008. – С. 16-39; Буряк Л. Жінка в українському історичному наративі: автори, ідеї, образи (друга половина XIX – перша третина XX ст.): моногр. / Лариса Буряк. – К. : Національна академія управління, 2010. – 368 с.

3. Пето А. Заметки по женской истории: нетрадиционные феминистки / Андреа Пето // Гендерные истории Восточной Европы: сб. науч. ст. / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. – Мн.: ЕГУ, 2002. – С. 31-32.
4. Цит по Оффен К. Оглядываясь назад – размышляя о будущем: проблемы женской и гендерной истории после встречи в Белладжии (1989) / Карен Оффен // Гендерные истории Восточной Европы: сб. науч. ст. / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. – Мн.: ЕГУ, 2002. – С. 21.
5. Там же. – С. 21-24.
6. Вот прекрасный образец рассуждений молодой исследовательницы женской темы: *«З найдавніших часів українська жінка займала особливе місце в житті своєї родини, своєї громади, свого народу, своєї нації. Ми знаємо, що в доісторичних часах в Україні був матриархат – ранній період у розвитку первісного суспільства..., для якого характерне провідне становище жінки в родинному і господарському житті: тоді вона була головою родини, головною у всьому суспільстві, але жіноча рівноправність протрималася до XVII століття, до того часу, коли в Україну почали приходити чужинецькі впливи, в основному грецькі»* // Па-а І.О. Українська жінка: від давнини до сьогодення // Історичні записки: зб. наук. пр. – Луганськ, 2008. – Вип. 17. – С. 74
7. Чикалова И. Женская и гендерная история на постсоветском пространстве/ Ирина Чикалова // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / под ред. И.Р. Чикаловой. – Мн.: БГПУ, 2001. – С. 15-18; Ее же. Женская и гендерная история на постсоветском пространстве: состояние и перспективы развития // Летняя школа в Рязани. – 2003 // Режим доступа: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/chikalova.htm> – 10.09.2010
8. Работу по систематизации диссертаций провели сотрудники Харьковского центра гендерных исследований. Познакомиться с темами диссертаций, защищенных на постсоветском пространстве, можно здесь: <http://kcgs.org.ua/diss/>
9. Кузьмук Олексій Сергійович. Військо Запорозьке Низове і київські чоловічі монастирі в XVII-XVIII ст.: еволюція взаємовідносин: Автореф. дис.:... канд. іст. наук: 07.00.01 / Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. – К., 2005. – 16 с., Яременко Максим Васильович. Формування та основні характеристики чернецтва київських чоловічих монастирів (20-і – середина 80-х рр. XVIII ст.): Автореф. дис.:... канд. іст. наук: 07.00.01 / Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. – К., 2003. – 15 с. и др.
10. Жеребкина И. «Кто боится феминизма» в бывшем СССР // Femina postsovetica. Украинская женщина в переходный период:

- от социальных движений к политике / под ред. И. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 1999. – С. 11-82.
11. Об этом подробнее: Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание / Наталья Пушкарева. – С.Пб.: Алетейя, 2007.
  12. Кон И. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / Игорь Кон/ Введение в гендерные исследования: учеб. пособ. / под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ; С.Пб.: Алетейя, 2001. – Ч. 1. – С. 583.
  13. На этот факт, составляя библиографию украинских авторов, работающих в женской теме, обратила внимание историк Екатерина Кобченко.
  14. Усманова А. «Визуальный поворот» и гендерная история / Альмира Усманова / Гендерные истории Восточной Европы: сб. науч. ст. / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. – Мн.: ЕГУ, 2002. – С. 42.
  15. Усманова А. Там же. – С. 43.
  16. Здравомыслова Е. А. Коллективная биография современных российских феминисток // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: (сб. науч. ст.) / Елена Здравомыслова / Центр независимых социальных исследований. – С.Пб., 1996. – С. 33-60.
  17. Ушакин С. Поле пола: в центре и по краям / Сергей Ушакин // Вопросы философии. – 1999. – № 5. – С. 71-85; Зверева Г. Чужое, свое другое: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре современной России // Адам и Ева: Альманах гендерной теории. – М.: ИВИ РАН, 2001. – № 2. – С. 238-278; Першай А. Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР // Гендерные исследования. – 2002. – № 7-8. – С. 236-249; Гапова Е. О политической экономии «национального языка» в Беларуси // *Ab Imperio*. – 2005. – № 3. – С. 405-441 и др.
  18. Так, С. Ушакин обращает внимание на то, что на Западе, в англоязычной среде, при введении термина в оборот «речь шла о различении *sex* и *gender*, то есть о различении категорий, ни одна из которых не имеет однозначного эквивалента в русском языке» (23). При этом уже имеющаяся в русском (равно, как и украинском, и белорусском, и, думаю, в грузинском, таджикском и т.п.) языке «полифония смысла таких понятий, как «пол», «род», «мужественность», «женственность», остается совершенно не артикулированной теоретически – «вместо попыток проследить причины и условия возникновения семантических смещений и переплетений предлагается внедрить одномерный «западный» стандарт, провести своего рода теоретический евроремонт» // Ушакин С. Поле пола. – Вильнюс: ЕГУ, М.: Вариант, 2007. – С. 194.

19. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. – С. 8.
  20. Сравним: Кутырова Ольга Владимировна. «Женский вопрос» в Советском Союзе и механизмы его решения в Мурманской области : 1917 – 1980-е гг. : дис.... канд. ист. наук : 07.00.02 / Кутырова Ольга Владимировна; [Место защиты: Петрозавод. гос. ун-т]. – Мурманск, 2007. – 204 с., Сытник Ирина Геннадьевна. Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале: 1918-1930 гг. : дис.... канд. ист. наук : 07.00.02 Оренбург, 2006. – 194 с.; Тарабрина Ольга Александровна. Политика советского государства в решении «женского вопроса» в годы Гражданской войны (ноябрь 1917-1920 гг.): замыслы и реалии : дис.. .. канд. ист. наук : 07.00.02. – Самара, 2006 – 262 с.
  21. Кісь О. Жінка в традиційній українській культурі: друга половина XIX –початок XX століття. – Львів, 2008.
  22. Некоторые подходы к понятийной определенности были сделаны в работах Wood E. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. – Indiana University Press, 1997; Бородина А., Бородин Д. Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-х – 30-х годах // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. – Тверь, 2000. – С. 45-51.
  23. Цыбульников Анастасия Александровна. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX вв. : Специфика повседневной жизни в условиях военного времени : дис.... канд. ист. наук : 07.00.02. – Армавир, 2004. – 210 с. В этой очень интересной работе термин «казачка» определяется неявно, через субэтнические и брачные характеристики.
  24. Вот как это может выглядеть: «У 1848 р. в Сенека-Фолсі (штат Нью-Йорк) відбувся з'їзд жінок, які виступили за свою рівноправність у суспільстві. В результаті цього з'їзду американкам було надане право на працю, власність, участь у роботі профспілок, а найголовніше – участь у виборах... Історична можливість для входження жінок в наукову спільноту України з'явилась наприкінці XIX – на початку XX століття, коли вони отримали змогу навчатися у вищих навчальних закладах. У 20-х роках XX ст. були прийняті законодавчі акти, які дозволяли жінкам здобувати вищу освіту та обирати професію» // Р-н Л. Жінка в освіті, науці та культурі України // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету ім. В. Гнатюка. – 2006. – Вип. 3.
- Ни одной ссылки на источник информации поистине делает сюжет «всеобщим». Аналогичный пример из Луганска: *«У 90-х роках, коли Вищі жіночі курси були закриті, діяльність жіночих громад поживалась серед учениць гімназії у Києві, Полтаві, Лубнах та інших містах України»*// П-а О.С. Жінки в українських громадах// Історичні записки. Зб. наук. пр. – Луганськ, 2008. – Вип. 17. – С. 73.

25. Ронен О. Плагиат // Звезда. – 2009. – № 3 // Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2009/3/po12.html> – 14.07.2010. – 11.07.2010.
26. Ронен О. Там же.
27. Тлостанова М. Деколониальные гендерные эпистемологии. – М.: Маска, 2009. – 386 с.
28. Сообщение Гаповой Елены от 26.11.2009 // <http://www.gender.univer.kharkov.ua/spisok/>
29. Сообщение Гаповой Елены от 30.11.2009 // <http://www.gender.univer.kharkov.ua/spisok>
30. Брагинская Н.В. Мировая безвестность: Ольга Фрейденберг об античном романе. Препринт WP6/2009/05. Серия WP6// Гуманитарные исследования – М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2009. – 40 с.
31. Кись О. Жінка в традиційній українській культурі. – Львів, 2008. – С. 21.

ББК Т 63.3 (4 Укр) 614

Шабельніков В.І.

АДМІНІСТРАТИВНО-ТЕРИТОРІАЛЬНІ РЕФОРМИ В УКРАЇНІ (1923-1932 РР.)

Досліджується історичний досвід державного реформування системи регіонального управління, складність і особливості територіальних змін та забезпечення ефективного функціонування апарату місцевих органів влади в Україні.

Адміністративно-територіальний поділ (АТП) є сферою діяльності держави, її соціально-економічної та національної політики. З поділом території пов'язується й регіональна організація системи місцевих органів влади й управління.

Розбудова незалежної, демократичної держави, її інтеграція у світове співтовариство, здійснення адміністративної реформи в Україні потребують переосмислення історичного досвіду минулих років, сутності управління регіонами, їх місця й ролі в сучасних суспільних процесах.

Саме тому історична наука стоїть сьогодні перед необхідністю дослідження й ретроспективного аналізу всіх змін АТП, що відбувались за роки радянської влади, особливо у період 1920-1930-х років, коли склалася та система територіального поділу, яка в основному збереглася до цього часу.

Подана стаття є спробою дослідити з нових концептуальних позицій саме в історичному аспекті державну політику у вирішенні проблем територіальної організації в Україні, зокрема питання переі-